

Ольга Егошина

Загнанных лошадей пристреливают, загнанные старушки умирают сами

Первыми премьерами Москвы после длинной ковидной паузы стали спектакли Владимира Панкова «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» на сцене Центра драматургии и режиссуры и «Старуха», поставленная Сергеем Женовачем на сцене Студии театрального искусства. Оба спектакля задумывались во времена, когда про коронавирус нового типа никто и слыхом не слыхивал. Оба мастера сделали ставку на своих учеников. Обе премьеры ответили на главный вопрос дня сегодняшнего: как существовать, когда жизнь невыносима?

Хорас Маккой описывал жизнь американцев в пору Великой депрессии. Даниил Хармс изображал жизнь советских людей в пору расцвета ГУЛАГа и энергичного строительства социализма. Сейчас, когда нас от времени создания произведений отделяет чуть менее века, понятно, что герои Хармса вполне могли стать участниками американского танцевального марафона. А американка Глория легко могла выбрать местом своего последнего упокоения комнатку в коммуналке, где жилец безуспешно пытается написать великий роман... Из нашей с вами абсурдной ковидной действительности американский абсурд и советский абсурд смотрятся близнецами-братьями. Наш безумный-безумный-безумный мир безумен давно. Если и остается, во что верить и за что держаться, – так это стихия игры между жизнью и смертью.

Кстати, обе постановки начинаются в театральном фойе с прологов. В ЦДР «пляжный оркестр» играет мелодии 1930-х гг. В СТИ два актера читают стихи Хармса. Зрители медленно, шаг за шагом погружаются в бытование океанского пляжного поселения и советского города, из которого когда-то выйдешь «с дубинкой и мешком».

Дерби

Невысокая, хрупкая Глория – Елизавета Костюкова поет неожиданного низким, сильным голосом, перекрывая переместившийся из фойе в зрительный зал оркестр. На экранах по бокам сцены транслируется крупным планом ее лицо с размазавшейся от слез тушью (видеоряд Кирилла Плешкевича – одна из важнейших составляющих постановки). Наголо бритый брутальный Роберт – Виктор Сапелкин очень медленно, раздумчиво достает револьвер. Долго-долго прицеливается. Щелчок... Из дула пистолета вырывается пламя зажигалки. Глория прикуривает сигарету. Пистолет разделяет два тела и парадоксальным образом соединяет их... «Если бы ты мог мне помочь умереть!!!»

Владимир Панков, объясняя выбор текста, где события разворачиваются в Америке 30-х гг. прошлого века, специально выделил предлагаемый им «шанс поиграть со стилизацией, которая открывает много возможностей». Спектакль ЦДР поставлен в жанре *SounDrama*, а значит все темы, сюжетные повороты и перипетии будут не только сыграны, но станцованы и спеты.

Постановка Панкова не просто спектакль о марафоне. Это спектакль-марафон.

«Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Центр драматургии и режиссуры. Сцена из спектакля. Фото К. Матушкиной

На пяточке сцены столпились исполнители, которые двигаются практически без остановки все два часа двадцать минут спектакля. Образ жизни на краю, на износ, жизни, которая буквально стаптывается и разваливается от заданного темпа, как туфли героини. Жизни, которая готова оборваться в любой момент. Вот копы увели Марио (Виктор Маминов). Вот сбежал от обвинений в сексуальной связи с малолеткой Фредди (Никита Петров).

Show must go on, – громогласно объявляет организатор и по совместительству конферансье Рокки Граво (Адам Джеймс Маскин). Два языка в этом спектакле легко сменяют и дополняют друг друга. Монологи-размышления героя на русском дополняются и опровергаются английскими зонгами... А партнер Рокки – Сокс (Григорий Данцигер) спешит перевести все английские шутки и реплики коллеги на язык родных осин. История Глории и Роберта в постановке Владимира Панкова одновременно рассказывается в разных знаковых системах (музыки, танца, драмы). Разворачивающийся на мониторах по двум сторонам сцены видеосюжет находится в сложном соотношении с сюжетом сценическим. На экране танцует кордебалет голливудских красоток в белых панталончиках. А на сцене падает в серую пыль очередная жертва дерби. Два ангелочка – медсестры (Ольга Позднякова и Мария Репина) склоняются для оказания первой помощи, а потом

Е. Костюкова – Глория. «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Центр драматургии и режиссуры. Фото К. Матушкиной

отходят к микрофонам и удивительно низкими для столь ангелоподобных существ голосами поют фри-джаз.

На этом спектакле понимаешь, что жанр гротеска в нашей пародийной действительности обрел какие-то новые контаминации. Вот трио Лиги матерей – Полина Миронова, Оксана Хайдакина, Алиса Эстрина. Идущие на цыпочках носительницы нравственности уморительно смешны, их почти эстрадный номер поставлен блестяще (поклон замечательному хореографу спектакля, Екатерине Кисловой, ставшей настоящим соавтором постановщика).

Или вот Дмитрий Костяев. Он играет в спектакле, как многие исполнители, сразу несколько ролей: старую миссис Лейден, которая болеет за Глорию и Роберта, а также Судью, который ведет дело об убийстве Глории. Играет прекрасно, когда-то про такое исполнение говорили: «с куражом работает!». И вот в самый невероятный момент, когда актер на наших глазах снимает парик миссис Лейден, ее накладные ресницы, натягивает на вечернее платье судейскую мантию и стучит по столу молотком, – ты вдруг в этом страшном помятом гермафродите узнаешь знакомые черты судьи Химичевой, которая ведет реальное дело Александра Березкина в одном из московских судов: те же слепые глаза, та же абсолютная глухота, то же ледяное равнодушие к будущему обвиняемого... Эти секунды

О. Позднякова и М. Репина - Медсёстры. «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Центр драматургии и режиссуры. Фото К. Матушкиной

«узнавания» своего лица в зеркале далеких американских тридцатых – дорогого стоят.

Изощренно выстроенный, азартно сыгранный, безукоризненно отточенный при всей барочной избыточности формы, – спектакль Владимира Панкова плывет на зал огромным кораблем (даром что сцена в ЦДР примерно в десять раз меньше, чем хотелось бы).

Нашествие старух

Войдя в зал после разыгранного Сергеем Пирняком и Нодаром Си-радзе пролога, бормоча знакомые строчки («и с той поры, и с той поры, и с той поры исчез»), зрители рассаживаются по местам, поправляя маски на лицах. Надо сказать, абсурдистский вид этого зала «фантомасок» настолько выразителен, что с ним трудно тягаться любому сценическому абсурду.

Из угла сцены вышла черная старуха, бодро направилась к единственному окну, выглянула куда-то в даль светлую и упала... За ней последовала еще старуха, потом еще. И еще. Щуплые и корпулентные, горбатые и колченогие, бодрые и совсем уж божьи одуванчики – старухи шли и шли (юные актрисы и актеры Студии театрального искусства демонстрировали акробатические способности и азарт игры). Десять исполнителей ухитрились создать ощущение непрерывной толпы

«Старуха». Студия театрального искусства. Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

черных старух, которые все падают и падают из окна, пока герою не надоест наблюдать это бесконечное выпадение старух и он не отправится прогуляться на рынок...

Декорации Александра Боровского работают как цирковые снаряды: подвижные конструкции на колесиках катаются, вращаются, оборачиваясь то комнатой героя, то вагоном электрички, то фасадом булочной, в зависимости от открытых/закрытых окон, дверей и разнообразных ящиков. Актеры сами крутят эти платформы с дверями, окнами, кошачьими лазами, лихо побрякивая на виражах.

Главного героя играют девять исполнителей, отражающие разнообразные грани его многосторонней личности. Все исполнители одеты в одинаковые парусиновые брюки и вязаные кофты. Каждую фразу, которую Он-Первый (Лев Коткин) произносит на разные лады и с разными интонациями – вопросительными, утвердительными, убеждающими, – повторяют многочисленные воплощения его «я». Текст Хармса звучит как отголоски эха разных регистров, все более отчуждаясь от конкретной ситуации (благо в ткань спектакля органично вплетены фрагменты разных произведений Хармса).

«Чудотворец был высокого роста», – Он-Первый произносит единственную придуманную строчку будущего гениального произведения и как будто становится еще выше и еще надменнее. Герой пытается

«Старуха». Студия театрального искусства. Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

написать историю о Чудотворце, который никогда не творил чудес. А вот жизнь вокруг героя становится, чем дальше, тем чудесатей и чудесатей.

Чужая старуха невесть как оказывается в его комнате. И столь же неведомым образом помирает. Причем ее труп самопроизвольно и самодовольно перемещается в пространстве. И непонятно, как быть с этой аномалией. Наконец, герой решил выйти из дому, купить что-то к столу, поскольку работать с трупом наедине никак не получалось, гениальная проза отказывалась двигаться дальше первой строки. А там – у булочной – стояла в очереди чудесная Она (точнее, все ее десять ипостасей). Милая – Дамочка/Женщина/Девушка в ситцевом легком платье с авоськой в руках сразу оказывалась такой родной, такой понимающей, такой готовой немедленно идти к нему на квартиру пить водку... И уже их души пели, танцевали – пары кружились на авансцене, и головы партнерш так уютно-привычно лежали на мужских плечах...

Но КАК привести женщину в комнату с трупом?! Приходилось позорно бежать, оставляя ее такую одинокую, такую незащищенную, такую растерянную...

«А что, по-вашему, хуже: покойники или дети?» – будет вопрошать герой своего собутыльника-собеседника. И не согласится с тем, что дети беспокойнее. Покойники тоже еще какими беспокойниками бывают!

«Старуха». Студия театрального искусства. Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

... Летучая интонация спектакля все больше напоминает рясу, скрывающую под собой болотную толщу боли и страха. У себя в комнате Герой (точнее одна из его ипостасей) пнет старуху сапогом по челюсти, а потом начнет запихивать негнущееся тело в чемодан. Практически цирковой номер «упаковки тела» будет смешным и страшным одновременно. Сдваивание страха и смеха – главный подарок этой постановки Сергея Женовача своим зрителям. В СТИ давно не было спектакля, с такой хулиганской легкостью относящегося к классическому тексту, так азартно вышучивающего все наши табу и фобии. Спектакля, где темы юности и смерти, отчаяния и надежды, веры и безверия так лихо переплелись между собой, что иголки не подsunуть.

Потеряв чемодан, заплутавши в дороге, герой остается на опушке того самого леса, где исчезают навсегда. И замирает, обратив молитву к небу. На кого еще надеяться, к кому обращаться, как не к Отцу небесному его запутавшимся детям?